

Поездки Ильи Муромца

Как ехал стар по чисту́ полю —
Голова белá, борода́ седá,
Как скацён жемчуг, рассыпаетци.
Под ст[арым конь наубел-белóй],
Да ведь хвост и грива научор-чорны.
[Как наехал стар на станичников,]
На ночных уж он подорожников.
Да хотят старá б́ити-грабити.
Как сид́ит тут стар, призадумался,
Принадумалса слово вымолвить:
«Люди вольные все разбойнички,
Вы дённые уж нонь подколоднички,
Вам ведь старого бить уж не́кого,
А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взято,
Злáта-серебрá не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилуцилосе.
Тóльки есь под старым дóброй конь
Да ведь конь [под ним нау]бел-белóй
Да хвост и грива научор-чернá.
Как уж ежду на кони́ ровно тридцеть лет,
За рекой на конé не сиживал,
Перевоз на кони я не вапливал».
Как станицников всё приманивал.
Как велят они слезыват с коня.
Как сидит тут стар, призадумалса,
Он умом гадáт, головой качáт,
Принадумалса слово вымолвить:
«Уж вы стáнички мои, станицники,
Люди вольные, всё разбойники,
Вы ночны́ уж нонь подорожники,
Вы дённы уж нонь подколодники!
Вам ведь старого бить уж некого,
А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взето,

Злата-серебра не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилучилосе,
Толькí есь на старом кунья шубá,
Дешевóй цены стоíт — семьсот рублей,
Как на шубы подтяжка позолочена,
Ожерелье у шубы чорна соболя,
Не того-де соболя сибирьского,
Не сибирьского соболя — заморьского
(с Камчатки, верно).

Как уж пуговики были вальячныя,
Того ле вальяку красна зóлота,
Да ведь петелки были шóлковы,
Да того-де шолку, шолку белого,
Да белого шолку шемахильского».
Как станицников пуще приманиват,
И велят слезыват со добра коня,
Скидыват велят кунью шубоцку.
Как сидит тут стар, призадумалса,
Умом гадáт да головой качáт,
Принадумалса слово вымолвить:
«Уж вы стáницки, мои станичники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночные уж нонь подорожники,
Вы дённые уж нонь подколодники!
Вам у старого бить вам некого,
А у старого взять вам нецего:
Золотой казны много не взо,
Злата-серебра не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилучилосе.
Только есь у старого уж тóгой лук,
Золотá колчáнка калéных стрел,
Да ведь ровно тридцеть три стрелоцки.
Да ведь всем стрелáм цена обложена,
Да ведь кажна стрела по пети рублей,
Трём стрелáм цены нету уж:
Перены перья — орловым же,
Не того орла, орла сизого,
А того орла сизомладаго,
Тот живёт орёл на синём мори,

На синём мори на сером камни,
Он пьёт и ест у синя моря».
Как станицников пуще заманиват,
И велят слезыват с добра коня,
Скидывать велят кунью шубоцку,
Отдавать кольцянку калёных стрел.
Как сидит тут стар — призадумалса:
Он умом гадāt, головой качāt.
Он вытегиват из запāзушья тўгой лук,
Из кольцяноцки да каленў стрелў.
Он кладёт стрелў нонь на тўгой лук,
Да ведь сам стрелы да приговариват:
«Каленā стрела ты муравлена,
Полеті же ты во чистó полё,
Полеті ты повыше разбойников,
Не задешь ты их ни едїного:
Ты не старого и не малого,
Не холóстого, не женатого,
Полети-тко ты во чистó полé, —
Да во сырó дубїщо-крековищо,
Ты розбей сырó дубїщо-крековищо,
Ты на мелко церенье ножовоё!»
Не городóвы ворóта отпиралисе,
Не люта́ змея́ извиваласе —
Заскрипел у старого тўгой лук,
Каленā стрелā со тугā лукā
Полетела она да во чистó полё,
Да во сыро дубїщо-крековищо.
Как розбила сыро дубїщо-крековищо
Да на мелко церенье ножовоё.
Как станицники испужалися,
По-под кустиками как разбежалиси.
Как туман-то в поле приободроло,
Как станицники идут да поклоняютца:
«Уж ты батюшко да наш старый казак,
Наш старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Да возьми-тко нас да во товарищи».
Говорит тут стар таковó словó:

«Не возьму я вас во товарищи,
Я не старого и не малого,
Не холбостого, не женатого.
Как я уж ежжу по полю тридцеть лет,
Да никто на меня не нахаживал,
Да никто на меня не наезживал,
Да как вы нашли, поганые, наехали».
Как поехал стар по чисту́ полю,
По тому роздолью широкому —
Голова белá, борода седá,
По белым грудям росстиляется,
Как скацён жемчуг, да рассыпается.
Приезжает к рощаням ко широким же,
Как лежит тут сер горюць камéнь,
Да на камешке подпись подписана,
Да подписана подпись, подрезана:
«Как во пёрву дорожку ехать — бо́гату быть,
А во вто́ру дорожку — женáту быть,
А в трéтью дорожку — живому́ не быть».
Как сидит тут стар да призадумалса,
Призадумалса да приросплакалсы:
«Как поеду я в дорожку во первую,
Да ле где мне, старому, бо́гату быть».
А опеть же сам и одумалса:
«Да на что мне, ста́рому, бо́гату быть? —
У меня нет нонь молодой жены
Берегци́, стерегци́ золотá казнá.
Как поеду в дорожку во вто́рую,
Да ведь 'де мне старому женату быть».
А опеть же сам и одумалса:
«Да на што мне, старому, женату быть? —
Не владеть мне, старому, молодой женой,
Не кормить мне, старому, малы́х детей.
Как поеду в дорожку во трéтью же,
'де мне, ста́рому, живому́ не быть».
Как поехал стар по чисту́ полю,
По тому роздолью широкому —
Голова белá, борода́ седá,
По белым грудям росстиляется,

Как скацён жемчуг, да рассыпается.
Приезжает ко двору ко широкому,
Теремом назв́ать — очень мал будёт,
Городом назв́ать — очень велик будёт.
Как выходит девушка-чернавушка,
Она берёт коня за шелко́в повод,́
Она ведёт коня да ко красну́ крыльцу́,
Насыпат пшена да белоярова,
Как снимат старá со добра́ коня́,
Она ведёт старá да на красно́ крыльцо́,
На красно́ крыльцо да по новы́м сеням,
По новы́м сеням в но́ву горницу.
Скидыва́т его да распоясыва́т,
Да сама говорит таковы́ слова́:
«Пожило́й удало́й добрый молодец,
Ты уж едешь дорожкой очень дальнею,
Тебе пить ли исть нынче хочется,
Опочинуться со мной ле хочется?»
Говорит тут стар таковы́ слово́:
«Хошь я еду дорогой очень дальнею,
Мне не пить, не есть мне не хочется,
Опочинуться с тобой хочитсэ».
Она старому кроват да уж указыва́т,
А сама от кровати дале пётитсе.
Говорит-то стар да таковы́ слово:
«Хороша кровать изукрашена —
Должно бы кроваточки подложной быть!..»
Она старому кровать уж указыват,
А сама от кровати далечо́ стоит.
Как могуци плечи расходилисе,
Ретиво́ сердце́ розъерилосе —
Он хватал-то он за белы́ руки́,
Он бросал он на кровать на тесобую:
Полетела кровать да тесобая
Да во те во погрёба глубокия.
Как спущался стар да во глубок погрёб —
Там находитса двадцать деветь молодец,
А тридцатый был сам старый казак,
Сам старый казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказыва̄т,
Наказывать да наговаривать:
«Я уж ежy по полю ровно тридцеть лет,
Не сдаваюсь на реци я на бабьи же,
Не утекаюсь на гúзна их на мяхкие».
Вот они тут из погреба вышли,
Красное золото телегами катили,
А добрых ко̄ней табунами гнали,
Мо̄лодых молодок толпи́цами,
Красных девушек стай́цами,
А старых старушек короби́цами.

(Зап. А. М. Астаховой 1 июля 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.